

В. А. Аракчеев

Добрый человек Московской Руси: труды Андрея Павловича Павлова и их место на карте русской историографии

Путь в науку. Андрей Павлович Павлов родился 23 мая 1952 г. в семье преподавателей Красноярского педагогического института Павла Николаевича и Иды Ивановны Павловых. П. Н. Павлов известен специалистам и своими поздними работами по истории Сибири; однако наиболее значимым исследованием историка стала его ранняя статья о величине ордынского выхода¹. Общение с отцом оказало определяющее влияние на выбор профессии А. П. Павловым. Он с благоговением вспоминает поездки с отцом на родину предков — в древний Галич, и его рассказы об одетом в «овечьи шерсти» войске Дмитрия Шемяки. Андрей Павлович учился в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (ЛГПИ) с 1969 по 1973 г., где ему посчастливилось включиться в научную работу под руководством Руслана Григорьевича Скрынникова (вскоре перешедшего в Ленинградский государственный университет). Затем, поработав три месяца по распределению в Красноярском техникуме механизации учета, А. П. Павлов отправился служить в Вооруженные силы. После службы в армии и годичного периода работы в Красноярском государственном педагогическом институте с ноября 1974 г., в 1975 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории СССР (ЛОИИ), которую закончил с представлением диссертации 1 ноября 1978 г.

¹ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки / Краснояр. пед. ин-т. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 96–108.

9 января 1979 г. А. П. Павлов был принят на работу в ЛОИИ на должность младшего научного сотрудника. 29 мая 1979 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию и решением диссертационного совета ему была присуждена первая ученая степень. Для А. П. Павлова начался период работы в секторе феодализма ЛОИИ — в период, когда там были сосредоточены лучшие силы ленинградской исторической науки — Николай Евгеньевич Носов, Александр Ильич Копанев, Юрий Георгиевич Алексеев, Виктор Моисеевич Панеях и другие исследователи. В характеристике на представление к должности ведущего научного сотрудника (1986 г.) отмечено, что «А. П. Павлову свойственны доскональное знание эпохи, тонкий источниковедческий анализ, тщательность в обработке материала, умение сделать широкие обобщения и выводы». Здесь же приведено первое название прославившей его имя плановой монографии — «Государев двор и правительственный аппарат Русского государства в конце XVI — начале XVII в.», над которой он работал все 1980-е годы.

В процессе работы выяснилось, что по сравнению с главами о правительственном аппарате бóльший объем занимают главы о политической борьбе, предшествовавшей воцарению Годунова и сопровождавшей его правление. Естественным образом название монографии было изменено на всем в настоящее время известное. Значение этого труда, вышедшего в самом конце 1992 г., невозможно переоценить. Сделанные в нем выводы прочно вошли в современное знание о служилом сословии России эпохи Ивана Грозного и преддверия Смуты как в российской, так и западноевропейской науке². Триумфальная защита А. П. Павловым докторской диссертации в мае 1993 г. стала одним из ярких событий научной жизни Петербурга этого времени. Уже 16 июля 1993 г. решением ВАК Андрею Павловичу была присуждена ученая степень доктора исторических наук, а решением ученого совета ЛОИИ в 1994 г. — ученое звание старшего научного сотрудника.

С 1993 г. А. П. Павлов официально включился в работу над новой плановой монографией, название которой в «Представлении» перед аттестацией 2004 г. звучало как «Русское дворянство от Смуты

² *Pavlov A. P. Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605) // The Cambridge history of Russia / ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. Vol. 1. P. 264–285.*

до Соборного уложения». Одновременно Андрей Павлович принял на себя руководство авторским коллективом монографии «Правящая элита в Русском государстве IX — начала XVIII в.», в которой его перу принадлежат главы о Государевом дворе второй половины XVI — первой половины XVII в. В 2003 г. в соавторстве с М. Перри в Лондоне вышла совместная монография об Иване Грозном, в 2008 г. изданная в польском переводе уже в Варшаве.

В апреле 2005 г. А. П. Павлов перешел на работу в Республиканский гуманитарный институт Санкт-Петербургского государственного университета, а в 2008 г. — на исторический факультет СПбГУ, где в конечном итоге утвердился в качестве профессора кафедры истории России с древнейших времен до XX в. В СПбИИ РАН с этого времени Андрей Павлович работает по совместительству.

Огромная личная скромность сочетается с постоянным желанием А. П. Павлова помочь в организации и проведении научных мероприятий; его участие в конференциях, состоявшихся в Рязани, Великом Новгороде, Пскове стало ярким и запоминающимся для местного сообщества историков.

В работе над русской историей рубежа XVI–XVII вв. Если попытаться найти в русской историографии предшественника А. П. Павлова по проблематике и хронологии исследований, то это, вне всякого сомнения, Сергей Федорович Платонов. Земские соборы, Смута, судьбы служилого сословия, общество Московской Руси XVI–XVII вв. в целом — все эти проблемы перешли по праву принадлежности к петербургской исторической школе именно к Андрею Павловичу. Его учителя, о которых он всегда вспоминает с благоговением, — в университетские годы — Р. Г. Скрынников, в аспирантские — Н. Е. Носов, — оказали глубокое и непосредственное влияние на своего ученика. Уже в годы учебы в ЛГПИ им. А. И. Герцена А. П. Павлов получил от Р. Г. Скрынникова тему по изучению разрядных книг, впоследствии переросшую в дипломную работу «Состав Боярской думы в конце XVI — начале XVII в.». В аспирантуре ЛОИИ Андрей Павлович продолжил заниматься этой темой под руководством Н. Е. Носова и работал над кандидатской диссертацией «Правящие слои московского общества при Борисе Годунове: опыт социально-политической характеристики». Обаяние личности Учителя, его

влияние на становление А. П. Павлова как историка было решающим, о чем Андрей Павлович не устает говорить и писать³.

Уже в ранних работах А. П. Павлов предстает как зрелый исследователь, рассматривающий исторический источник в широком временном контексте и реконструирующий исторический факт на основе обширного комплекса источников. Так, редакции утвержденной грамоты собора 1598 г. исследовались им в сопоставлении с грамотой Земского собора 1566 г. и утвержденной грамотой собора 1613 г. Именно благодаря такому подходу А. П. Павлов пришел к чрезвычайно важному выводу о применении при формировании собора 1598 г. чиновно-должностного и территориально-выборного представительства⁴. После защиты кандидатской диссертации для Андрея Павловича начался длительный период упорной работы над историей Государева двора при Борисе Годунове (а точнее, во второй половине XVI в.).

Публикации А. П. Павлова 1980 — начала 1990-х годов отражают последовательность и ритм его работы. Задавшись целью изучить землевладение членов Государева двора, он не мог не выйти на проблему земельной политики опричнины. Дискуссии в отечественной науке об опричных мобилизациях земельного фонда велись с середины XIX в. и главным сдерживающим фактором в получении позитивного результата было отсутствие комплекса писцовых книг 1560–1570-х годов по взятым в опричнину уездам. Андрей Павлович предложил изящное, хотя и крайне трудоемкое решение задачи — ретроспективное исследование писцовых книг 1580–1620-х годов на предмет выявления упоминаний об опричных конфискациях и именах прежних владельцев. Публикации А. П. Павлова на эту тему до настоящего времени остаются эталонными исследованиями, а его метод ретроспективного изучения писцовых книг

³ *Алексеев Ю. Г., Павлов А. П.* Николай Евгеньевич Носов (1924–1984) // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 317–327; *Павлов А. П.* Н. Е. Носов как исследователь проблем русской истории XVI в. // Государство и общество в России XV — начала XX в. : сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 33–44.

⁴ *Павлов А. П.*: 1) Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // ВИД. Л., 1978. Т. 10. С. 206–225; 2) Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 221–226.

вошел в арсенал источниковедческих методов российской исторической науки⁵.

Обилие и масштаб изученных историком источников и сейчас поражают воображение. А. П. Павлов на долгие месяцы «поселился» в Центральном государственном архиве древних актов (ныне РГАДА), включившись в работу плечом к плечу с московскими историками, которые сразу признали в нем и большой талант, и невероятную работоспособность. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский, В. Б. Кобрин, В. Б. Павлов-Сильванский, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря сыграли немалую роль в росте и становлении Андрея Павловича как исследователя. Сам ученый отмечал их вклад в науку конкретными и яркими рецензиями, а в 2004 г. написал (в соавторстве с Л. Н. Простоволосовой) вступительную статью к сборнику трудов А. Л. Станиславского⁶. Уже в самом начале своей научной карьеры А. П. Павлов перерос рамки исследователя «петербургской школы», в равной степени впитав достижения «московской школы» историков, выросшей на основе трудов В. О. Ключевского, М. М. Богословского, С. Б. Веселовского, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина.

Монография «Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове» стала этапной не только для творчества А. П. Павлова, но и для современной историографии Московской Руси в целом. Уже в предисловии к книге исследователь четко обозначил свою позицию по отношению к концепции С. Ф. Платонова об «антибоярской» направленности политики Бориса Годунова, усомнившись вслед за Р. Г. Скрынниковым и Н. Е. Носовым в ее обоснованности. Здесь же Андреем Павловичем была поставлена задача изучить персональный состав и социальный облик членов Государева двора начиная с середины XVI в. Столь амбициозная задача могла быть

⁵ Павлов А. П.: 1) Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624–1626 гг.) // ВИД. Л., 1985. Т. 27. С. 100–120; 2) Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89–104.

⁶ Павлов А. П.: 1) История служилого сословия России XVI–XVII вв. в трудах А. Л. Станиславского // Генеалогические исследования : сборник научных трудов. М., 1994. С. 16–23; 2) [Рецензия на книгу]: В. Б. Павлов-Сильванский. Писцовые книги России XVI в. : проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1991 // Отечественная история. 1995. № 4. С. 179–182; Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVIII вв. М., 2004. С. 7–22.

решена только путем детального анализа Тысячной книги и Дворовой тетради, боярских списков конца XVI в. (незадолго до того введенных в научный оборот А. Л. Станиславским), актового материала и писцовых книг.

Приступив к изучению эволюции Государева двора во второй половине XVI в. А. П. Павлов начал работу с исследования Тысячной книги и Дворовой тетради. К началу 1990-х годов он мог опираться на прочный фундамент источниковедческих исследований И. И. Смирнова, А. А. Зимина, А. Л. Станиславского, В. Д. Назарова, Б. Н. Флори. Андрей Павлович сделал множество тонких наблюдений, вошедших в науку, например, о более высокой доле лиц, происходивших из княжеско-боярских фамилий, в Тысячной книге по сравнению с Дворовой тетрадью. Это позволило ученому окончательно отклонить концепцию «дворянского» характера «тысячной реформы». В труде молодого исследователя явно ощущается независимость от авторитетов и стремление опираться исключительно на источники. Так, на основании ретроспективного изучения писцовых книг Московского уезда А. П. Павлов высказал обоснованное суждение об осуществлении «тысячной реформы» и помещении большинства тысячников за исключением новгородских и псковских дворян.

Андрей Павлович смог интерпретировать известное сообщение Ж. Маржерета о продолжительности службы выборных дворян в Москве в течение трех лет. Сопоставив его с наблюдением А. Л. Станиславского о полной смене состава выборных дворян, находившихся на службе в Москве в 1598 г., исследователь вполне обоснованно предположил, что выборные дворяне сменялись каждую треть года, а не раз в три года. Вошел в научный оборот вывод А. П. Павлова о прекращении на рубеже 70–80-х годов XVI в. призыва выборных дворян из северо-западных городов на службу в Москву и «оседании» их по своим «служилым городам». Разрыв корпоративных связей между столицей и провинцией имел далеко идущие последствия. Такая реструктуризация состава выборных дворян в конечном итоге стала одной из причин массового перехода новгородских помещиков на шведскую службу во время оккупации Новгорода в 1611–1617 гг.

Не разделяя в целом теории советских историков о «борьбе боярства и дворянства» как движущей силы внутриэлитной борьбы,

А. П. Павлов усмотрел в составе Государева двора второй половины XVI в. два социальных слоя — верхний («боярский») и нижний («дворянский») с отчетливой границей между ними. Андрей Павлович осмыслил эту эшелонированную границу как «двойное кольцо», состоявшее из чиновно-сословной группировки думных и московских чинов и «буфера» в виде чина выборных дворян, доступ в состав которых для рядовых городских детей боярских был затруднителен.

Вышеописанные гипотезы и находки основываются на осуществленном А. П. Павловым беспрецедентном по своей полноте исследовании землевладения боярской знати, которое составило четвертую главу второй части монографии. Важное и интересное само по себе, это исследование открыло третий, современный этап обсуждения проблемы родового княжеско-боярского землевладения в период опричнины и двора. На первом этапе С. Ф. Платонов выдвинул концепцию крушения родового землевладения княжеско-боярской аристократии как цели и результата опричнины. С. Б. Веселовский противопоставил наблюдениям С. Ф. Платонова аргументированные и точные возражения, но они носили частный характер. На втором этапе концепция антикняжеского и антибоярского характера опричной политики была подвергнута критике А. А. Зиминным и В. Б. Кобриным, и частично поддержана Р. Г. Скрынниковым. Открытый Андреем Павловичем третий этап характеризуется привлечением максимально возможного количества источников по истории княжеского и боярского землевладения ключевых служилых родов, в результате изучения которых сложилась неоднозначная картина происходивших процессов.

А. П. Павлов показал, что значительное количество княжеских и боярских родов сохранили свои родовые вотчины доопричного периода. Из ростовских князей их сохранили опричники Гвоздевы, из ярославских — служившие в опричнине князя Сицкие-Ярославские, представители старшей линии князей Щербатых, князя Телятевские, бояре Морозовы, Салтыковы и некоторые другие. Однако представители всех этих княжеско-боярских родов служили в опричнине и «дворе» Ивана IV, что, во-первых, подтверждает представления С. Б. Веселовского и его последователей о значительном представительстве аристократии в опрично-дворовых структурах, а, во-вторых, опровергает слишком прямолинейные

построения С. Ф. Платонова. С другой стороны, исследование А. П. Павлова показало, что в опричных уездах княжеско-боярскую вотчину постигла катастрофа и даже возвращение вотчин прежним владельцам или их родственникам не меняло положения вещей — возвращенные вотчины воспринимались как пожалованные, что коренным образом отличало их от родовых. Таким образом, Андрей Павлович опроверг весьма влиятельную в историографии 1980–1990-х годов концепцию В. Б. Кобринина о незначительном воздействии опричной земельной политики на состояние княжеско-боярского землевладения⁷.

Первая часть книги А. П. Павлова посвящена сложившимся при дворе боярским группировкам и перипетиям борьбы за власть. Новаторским стал вывод о формировании вокруг трона в 1580–1590-х годах новой конфигурации княжеско-боярских кланов, из числа которых были исключены влиятельные группировки князей Шуйских и худородных дворовых выдвиженцев. В результате к моменту кончины царя Федора Ивановича и финалу борьбы за трон почти половина всех бояр была сторонниками Годунова, а значительная часть сохраняла нейтралитет. Повзрослевшие Романовы к 1598 г. не имели значительной поддержки и были обречены на поражение.

Интронизация Годунова вызвала расширение состава Боярской думы за счет представителей первостепенной княжеской знати и боярских родов, однако осторожность царя проявлялась в том, например, что его сородичи Годуновы входили в состав думы не напрямую, а через чин окольничих. Это наблюдение А. П. Павлова позволило отвести не основанные на специальном анализе состава московского правительства суждения С. Ф. Платонова и С. Б. Веселовского, первый из которых бесосновательно писал о «политическом одиночестве» царя Бориса.

Третья часть книги представляет собой исследование институтов Московского государства рубежа XVI–XVII вв. — земских соборов, Боярской думы, приказов и дьячества, провинциальных воевод. Прежние работы А. П. Павлова о Земском соборе 1598 г. в монографии дополнены социологическим наблюдением о том, что, невзирая на легитимность собора и его деятельности, ведущую роль

⁷ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 150–158.

в избрании царя сыграла верхушка сословий — привилегированная служилая знать, московские гости и члены Освященного собора. Слабость земских соборов была обусловлена отсутствием развитых форм самоуправления на местах, где посадские и чернососшные миры не взаимодействовали друг с другом и никак не были связаны с дворянскими «служилыми городами».

А. П. Павлов отметил важную роль членов Боярской думы в управлении отдельными приказами, особенно Разбойным и судными. Такая «бюрократизация» боярства способствовала трансформации Боярской думы из органа родовой земельной аристократии «в орган служилой аристократии». Одной из наиболее важных проблем в исследованиях по истории России XVI — начала XVII в. остается вопрос о происхождении и организационном оформлении четвертных приказов. Значительный вклад в разработку этой темы в середине XX в. внес П. А. Садиков, который полагал, что четверти в качестве отдельных приказов начали оформляться в 1560-е годы⁸. Андрей Павлович подверг точку зрения П. А. Садикова аргументированной критике, указав на факты административной подчиненности четвертей Посольскому, Разрядному и Поместному приказам вплоть до 1590-х годов⁹. Позднее Д. В. Лисейцев привел дополнительные аргументы в пользу точки зрения А. П. Павлова и сделал вывод о том, что вплоть до 1580-х годов под четвертями подразумевались не отдельные приказы, а ведомства дьяков таких приказов как дворовый Разрядный или дворовый Большой приход.

Вклад Андрея Павловича в исследование российской истории конца XVI — начала XVII в. выразился в понимании этого периода как качественно нового в развитии форм государственного управления. Вместе с тем в это время углублялись противоречия между столичными чинами и провинциальным дворянством. Таким образом, проблема разобщения господствующего сословия, лишь верхушка которого была правящей, наряду с острым социальным кризисом и привела к масштабной гражданской войне начала XVII в.

⁸ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 236–246.

⁹ Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 г.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 202–205.

Исследования политической истории первой половины XVII в. Вполне естественно, что на новом этапе своей исследовательской деятельности А. П. Павлов обратился к проблемам истории Смуты. В 2009 г. в серии «Памятники истории Восточной Европы» вышла из печати его совместная с Ю. В. Анхимюком публикация «Осадный список 1618 г.»¹⁰ Значение этого издания невозможно переоценить. Длительное время считавшийся утраченным, осадный список был открыт Ю. В. Анхимюком в фонде «Портфели Миллера» РГАДА. Публикация сопровождается восьмью приложениями, в том числе реконструированным списком вотчинников, предположительно пожалованных за осадное сиденье при Василии Шуйском.

Осадный же список 1618 г. содержит уникальные данные для реконструкции состава Государева двора на завершающем этапе Смуты. В нем учтены члены двора (в частности, дворяне московские) и представители городских служилых корпораций за период, от которого не сохранилось представительной делопроизводственной документации. В осадном списке немало новаций: в особую рубрику в нем выделены комнатные стольники. С вводом данного источника в научный оборот стала ясна ключевая тенденция завершающего этапа Смуты: консолидация правящей элиты вокруг персоны царя Михаила. В осаде в Москве сидело, в частности, большинство стольников, стряпчих и дворян московских.

Публикация осадного списка стала связующим звеном между книгой А. П. Павлова о Государевом дворе при Борисе Годунове и его двухтомной монографией о Государевом дворе царя Михаила Федоровича¹¹, которая стала логичным продолжением предшествующих трудов ученого. Первые публикации Андрея Павловича по этой теме появились еще на рубеже XX–XXI вв., но особо следует отметить развернутые статьи о Государевом дворе в XVII в. и практиках испомещения его членов¹². Первый (сокращенный) вариант

¹⁰ Осадный список 1618 г. / сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. (Памятники истории Восточной Европы : источники XV–XVII вв. ; т. 8).

¹¹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. СПб., 2018.

¹² Павлов А. П.: 1) Государев двор в истории России XVII века // Von Moskau nach St. Petersburg : das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. S. 227–242. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte ; Bd. 56) ; 2) Законодательство и практика испомещения членов Государева двора под Москвой в 20-х годах XVII в. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 308–331.

исследования о Государевом дворе при Михаиле Федоровиче А. П. Павлов представил в качестве раздела коллективной монографии о правящей элите, вышедшей под его редакцией¹³.

Ключевым по своей значимости в новой монографии Андрея Павловича стала концепция реставрации самодержавия, опиравшегося на «новую придворную аристократию». Еще Е. Д. Сташевский показал, что утвердившееся в историографии представление о победе «среднего дворянства» в «первые времена после Смуты» покоилось на четырех предположениях: 1) соотношении сил во втором ополчении; 2) принятии Уложения 1649 г., выразившего интересы средних классов; 3) значительной роли земских соборов в 1610-х и 1630–1640-х годов; 4) сосредоточении земель в руках дворянства и трансформации их поместий в вотчины. Им же были отвергнуты ранее изложенные объяснения и сделан вывод о сохранении властных позиций за родовитым боярством и дьячеством¹⁴.

Как показал А. П. Павлов, и в правление Филарета, и после его кончины в административном управлении страной возрастала и роль аристократии, и роль Думы, которая восстановила свое влияние на законодательный процесс, а также внешнюю политику и ведение войны. Это вывод является логичным продолжением сформулированной еще в монографии 1992 г. концепции, согласно которой служилый характер русской аристократии предопределял и статус царской Думы, остававшейся высшим органом законодательной власти при царе. Ее роль в регулировании служебных отношений, выражавшаяся в приговорах о местничестве, в управлении боярами и окольными отдельными приказами, городами, в замещении высших командных постов в армии, продолжала оставаться первостепенной¹⁵.

В указанной монографии А. П. Павлов детально и с опорой на недвусмысленные показания источников обосновал вывод о падении в 1613 г. влияния руководителей временного земского правительства Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского в борьбе с формирующимся окружением царя. В то же время автор показал, что

¹³ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв. : (очерки истории) / отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 308–405.

¹⁴ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 59–60.

¹⁵ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба ... С. 228–232.

заслуги кн. Д. М. Пожарского в дальнейшем были оценены: вопреки закону от 30 ноября 1613 г. за ним и его сыновьями оставили дворцовую Пурехскую волость, а сам он стал судьей Приказа сбора пятинных и запросных денег в 1616–1618 гг. Длительная до 1640 г. активная служба Пожарского, несомненно, была следствием его высокой репутации и выдающихся административных способностей.

Чрезвычайно важны отдельные наблюдения А. П. Павлова, укладывающиеся, тем не менее, в стройную общую концепцию: тот факт, что непосредственно по взятии Москвы было не так много желающих из числа служивших Сигизмунду московских бояр перейти в земское правительство, свидетельствует о крайней осторожности думской аристократии. Новым словом в науке является вывод автора о репрезентативности состава подписей на утвержденной грамоте 1613 г. и цепочка его умозаключений о составе избирательного собора. Показанные Андреем Павловичем особенности политической ситуации в феврале 1613 г. позволили ему говорить с высокой степенью вероятности об избрании Михаила Романова «снизу», без широкой поддержки правящей элиты и дворянства.

На основе детального анализа источников А. П. Павлов отверг представления Е. Д. Сташевского и П. П. Смирнова об «абсолютизме» Филарета времени его патриаршества (1619–1633 гг.) Тот факт, что в управлении приказами в эти годы приняло участие большинство (78 %) бояр и окольничих, позволяет утверждать, что влияние Боярской думы не стало меньшим, а роль ближайших соратников патриарха не была всеобъемлющей. Показательно и то, что кн. Б. М. Лыков, которого в предыдущей историографии относили к «друзьям» Филарета, до 1634 г. не привлекался к участию в «ответных» комиссиях на дипломатических переговорах.

Исключительный интерес представляет анализ новых пожалований в бояре и окольничие при Филарете. С одной стороны, А. П. Павлову удалось показать роль родственных и свойственных связей при новых назначениях; с другой стороны, ученый обнаружил, что статус пожалованных формировался с учетом и их генеалогии, и их служебных заслуг. Так, в пожаловании кн. С. В. Прозоровского в окольничие в 1630 г. роль его успешной службы как полководца, очевидно, была не меньшей, нежели близость к князьям Шуйским и Романовым. В общем, из цепи пожалований в Думу

вырисовывается некая система, которую можно характеризовать как политику «примирения» правящей элиты невзирая на эксцессы Смуты. Зримым примером такой системы является пожалование в бояре в 1634 г. И. П. Шереметева, который в 1612 г., будучи костромским воеводой, противился продвижению нижегородского ополчения к Ярославлю.

Источники первой половины XVII в. дают возможность полнее представить не только служебные, но и интеллектуальные достижения думцев, многие из которых счастливо сочетали административные и литературные таланты, как, например, кн. Ф. Ф. Волконский, защитник крепости Белой, член комиссии по составлению Уложения 1649 г. и автор оригинального автобиографического летописца. В этом контексте иную окраску принимают доказанные А. П. Павловым факты заметного сокращения в Думе представительства первостепенной княжеской знати. Очевидно, что факты фаворитизма (в случае воспитания при дворе и последующего возвышения князя-сироты Б. А. Репнина) не должны затмевать предположения об острой конкуренции между служилыми людьми Государева двора, приводившей к выдвиганию на первенствующие позиции инициативных и деловитых администраторов и воевод.

Важным выводом является доказательно обоснованное А. П. Павловым заключение о времени возврата родовых вотчин потомкам княжат XVI в. Часть этих фактов была известна в историографии, но Андрей Павлович еще в начале 1990-х годов впервые в науке смог заявить о массовом возвращении в 1610–1620-х годах потомкам суздальских, стародубских, ярославских и оболенских князей вотчин, принадлежавших их непрямым предкам. В монографии 2018 г. в научный оборот введены новые факты возвращения вотчин, частично выморочных, а частично конфискованных в период опричнины и позднее. Крайне важными представляются наблюдения о незавидном состоянии землевладения потомков видных деятелей XVI в. Так, весьма скромными были вотчины внука известного опричника Андрея Ивановича Очина-Плещеева и многих других потомков слуг Ивана Грозного.

Вообще генеалогические штудии А. П. Павлова по истории правящего сословия России в конце XVI — первой трети XVII в. сопоставимы с вкладом С. Б. Веселовского в изучении «класса служилых землевладельцев» средневековой Руси. К весьма важным

выводам подталкивают сведенные Андреем Павловичем воедино данные о массовом пресечении в то время 23 княжеско-боярских родов. По сути дела с политической сцены сошла целая генерация служилой аристократии, создавшей вместе с потомками Калиты единое национальное государство. Совпавшая с кризисом Смутного времени эта смена правящей элиты не могла не наложить отпечаток на весь ход происходивших политических процессов.

Гигантский вклад, внесенный А. П. Павловым в осмысление событий царствования Михаила Федоровича, дополняется изучением персонального состава правящей элиты в системе ее патримониальных и служебных связей. Фундаментальная монография автора представляет собой образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, чьи представители воссоздавали основательно порушенное государство в первой половине XVII в. Благодаря исследованию Андрея Павловича последующая трехсотлетняя история Московского государства, переросшего в XVIII в. в империю, основывается на непоколебимом фундаменте объединенных в систему достоверных фактов.

Подводя итоги краткого анализа работ А. П. Павлова следует отметить их значимость для развития российской исторической науки в целом, вне отдельных научных школ и направлений. Его трудами задан вектор изучения истории служилого сословия России и особенно его правящего класса, сконцентрированного в Государевом дворе. Понимание того, что именно в кругу этой элиты формировались направления внутренней и внешней политики, принимались судьбоносные решения, определяет важность исследований ученого. Андрею Павловичу удалось преодолеть узкие рамки научных школ — в своих трудах он синтезировал лучшие достижения и школы С. Ф. Платонова, и школы В. О. Ключевского. Труды А. П. Павлова бросают ответ на исследования истории России XV — первой половины XVI в. и, с другой стороны, на исследования русского служилого сословия второй половине XVII в. В год семидесятилетия мы поздравляем Андрея Павловича с творческими свершениями и ждем его новых трудов.